

2. Попытки реформ: развитие частной инициативы

Второе направление экономической реформы состояло в расширении сферы деятельности для частной инициативы. Принятым 19 ноября 1986 г. и дополненным 26 мая 1988 г. законом частная деятельность была легализована более чем в 30 видах производства товаров и услуг. Желавшие открыть свое дело должны были зарегистрироваться, а их доходы подлежали обложению налогом (достигавшим 65%, пока этот слишком высокий уровень не был снижен 26 мая 1988 г.). По данным весны 1991 г., более 7 млн. граждан (5% активного населения) были заняты в бурно развивавшемся кооперативном секторе. Кроме того, около 1 млн. человек получили патенты или регистрационные разрешения на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Установление очень высоких цен (обед в кооперативном ресторане в Москве стоил приблизительно в 10 раз дороже, чем в государственном ресторане первой категории) и развитие побочных видов деятельности (ориентированных отнюдь не на среднего — и чувствовавшего себя обманутым — потребителя, постоянно сталкивавшегося с дефицитом) привели к тому, что возникший в течение нескольких месяцев без обращения, как правило, к банковским кредитам частный сектор стал «отмывать» капиталы теневой экономики — по средним оценкам, до 70 — 90 млрд. руб. в год. При этом частный сектор охватил лишь часть из примерно 15 млн. человек, которые, по советским источникам, были более или менее постоянно заняты в сфере теневой экономики.

Несмотря на заявления руководства страны о поддержке, в годы перестройки развитие частной инициативы сталкивалось с самыми разнообразными трудностями: официальными, когда местные власти употребляли весь свой талант, чтобы ограничить деятельность кооперативов; производственными, обусловленными всеобщим дефицитом материальных ресурсов, вынуждавшим прибегать к нелегальным источникам. Наконец, самую существенную роль играли идеологические установки и умонастроения в обществе. Как показывали опросы общественного мнения, большое число опрошенных не скрывали своей враждебности в отношении развития кооперации. Если большинство советских людей приветствовали расширение свобод в сфере политики и идеологии, то они же проявляли недоверие, когда речь заходила о свободе предпринимательства (за исключением права обрабатывать свой участок земли, связанного скорее с неким мистическим образом, чем с ущемлением прав потребите-

ля). Для большинства граждан, столкнувшихся с четырьмя сетями распределения и уровнями цен (государственные, договорные, кооперативные и черного рынка), экономическая свобода предстала в образе падения жизненного уровня. Десятилетия пропаганды, направленной на искоренение духа предпринимательства и частной собственности, а также трудности, характерные для общества, испытывающего постоянную нехватку необходимого, в котором нормирование потребления соседствовало с гарантированными государством ценами, способствовали развитию у советских людей страха перед рынком, свойственного людям, экономически опекаемым; формированию мышления доиндустриального типа, когда потребитель возлагает на государство обязанность защищать его от «спекулянтов», «хапуг» и «толстосумов» (и вообще от всех тех, кто «выделяется», — сколько народных поговорок поучают: «сиди и не высывайся») и гарантировать ему «справедливые» цены.

Эти умонастроения отчасти объясняют трудности, с которыми столкнулось правительство, пытаясь расширить сферу частной инициативы в сельском хозяйстве. Официально признанная в 1988 г. формулировка предлагала «арендный договор», согласно которому одна или несколько семей берут землю в аренду на длительный срок (до 50 лет) и полностью распоряжаются продукцией. К тому же в новом положении о колхозах, принятом в марте 1988 г., оговаривалось, что площадь индивидуального участка и поголовье скота в личном хозяйстве будут устанавливаться коллективом каждого колхоза «в зависимости от участия его членов в общем труде». Эти меры на деле дали лишь символические результаты. Колхозы, так и не получившие подлинной самостоятельности, на которую они могли бы рассчитывать с момента их основания, являясь «кооперативными» организациями, так и остались под опекой районных властей, которые, как и прежде, планировали их производство и поставки государству, определяли нормы площади личных участков. Арендное движение не получило широкого распространения: в хозяйствах арендаторов было к лету 1991 г. только 2% возделываемых земель и 3% поголовья скота. Возродить сразу у крестьян дух предпринимательства оказалось тем более тяжело, что самые активные из них ушли из деревни (в течение двух последних десятилетий миграция из села была очень большой). Признанное, наконец, право свободно приобретать землю не вызвало энтузиазма крестьян, лишенных сельскохозяйственной техники, как и всей экономической инфраструктуры, необходимой для придания продукции товарного вида и ее реализации. С другой стороны, местные власти с начала перестройки не переставали подавлять крестьянскую инициативу, как об этом свидетельствует история «архангельского мужика», широко освещавшаяся средствами массовой информации в конце 1988 г. Крестьяне, желавшие работать на условиях аренды, не могли получить землю на предусмотренные законом 50 лет; чаще всего срок аренды не превышал пяти лет, в лучшем случае — десяти. К тому же арендные договоры могли быть расторгнуты властями в одностороннем порядке с уведомлением за два месяца. Они оставались в силе только для заключающего их лица и в случае его смерти не могли быть переданы другому лицу. Отметим, наконец, враждебность большей части сельского населения к возможности появления «новых кулаков».

Ни одна из начатых в экономике реформ практически не дала положительных результатов. С одной стороны, потому, что, будучи продуктом политического компромисса, они не были достаточно радикальными — наиболее «болезненные» в социальном плане меры (реформа цен, кредит и система снабжения предприятий) были отсрочены; с другой стороны, они были слишком радикальными, вызывая одновременно сопротивление населения, которое ощущало на себе, как ухудшаются условия жизни, и сопротивление на всех уровнях бюрократического аппарата. Экономические реформы, как и гласность, представляли смертельную угрозу для всех его привилегий и выгод от занимаемого положения. Наконец, нельзя забывать, что реформы пытались изменить экономику, в которой в течение десятилетий отсутствовали рыночные механизмы и процветала коррупция. Эти обстоятельства привели к непредвиденной реакции на предпринятые руководством шаги: в государственном секторе прочно воцарилась меновая, бартерная экономика, а в частном — своего рода «экономика казино», в рамках которой новые предприниматели искали немедленной спекулятивной выгоды в ущерб развитию с дальним прицелом производства товаров и услуг. В условиях крайне нестабильной политической ситуации речь шла о получении макси-

мальной прибыли в кратчайшие сроки, прежде чем в очередной раз будут изменены правила игры. Куда выведет этот примитивный хищнический капитализм? На этот вопрос возможны любые ответы. Если политическая ситуация стабилизируется, и особенно если будет создано действительно правовое государство, этот «капитализм казино» может послужить прологом к производящему капитализму. Если же нет, существует риск, что он составит не более чем переходный этап к паразитической и коррумпированной экономике, схожей с существующей в странах третьего мира. Как измерить путь, который предстоит пройти, когда в стране отсутствует даже правительственное издание, позволяющее каждому в любой момент быть в курсе действующего законодательства!